Le Moniteur universel 1812 – Le Moniteur universel. P.,1812. Juillet.
Le Spectateur français 1812 – Le Spectateur français au XIXme siècle, ou Variétés morales, politiques et littéraires, recueillies des meilleurs écrits périodiques, 1812 т. 12. С. 381.
Quaynat 1812 – Quaynat M. Ode à Sa Majesté l'Empereur et Roi sur la prise de Moscou. P., 1812
Rocques 1812 – Rocques J.G. Seconde guerre de Pologne. P., 1812.

A.A. Postnikova

THE RUSSIAN CAMPAIGN OF NAPOLEON OF 1812 IN A MIRROR OF INFORMATION WAR (ON MATERIALS OF THE FRENCH AND RUSSIAN PRESS OF 1812)

Domination over information space was the determining factor of forming of public opinion and public consciousness at all times. Especially brightly it is shown during the state and international conflicts. The perspective of information wars especially popular became recently. However researchers in this plan most often address experience of history of the 20th century and the present. Meanwhile, at least important material in judgment of these problems offers us 19th century. It became an era of blossoming of periodicals which, for society of that time was the unique source of information on the taking place events. The author on the basis of the analysis of the French and Russian newspapers of 1812 came to a conclusion that materials of the press became a basis for forming of images of war of 1812 in historical memory of both French, and Russians. The majority of newspapers, being guided by forming to the corresponding government installation of the psychological atmosphere in society, offered in advance prepared options of judgment of events which were a little corresponding to reality.

Key words: information space, historical memory, Russian campaign

DOI 10.26170/vvi16-01-30
Код ВАК 12.00.01

Е. С. Соколова

О РОЛИ НАДСОСЛОВНЫХ СТРАТЕГИЙ В

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.
Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law University (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.
Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

МОДЕЛИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПАРТИКУЛЯРНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРАВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье выявлены основные направления правовой политики российского самодержавия по отношению к национальным регионам и институтам местного законодательства, выявлен ее интеграционный потенциал, показано соотношение между общеимперским правом и юридическим партикуляризмом, в том числе и в сфере сословного законодательства. Законотворческая тенденция к сохранению национально-политической идентичности ряда партикулярных институтов права рассматривается как часть надсословной стратегии Российского государства нового времени, направленной на укрепление социально-политического имиджа верховной императорской власти.

Ключевые слова: национально-политическая идентичность, надсословная монархия, имперское государство, правовой партикуляризм, законодательные стратегии, государственно-территориальное единство.

Становление идеологии и законодательной политики России Нового времени в области моделирования надсословной политико-правовой стратегии происходило по мере формирования и развития имперской формы государственно-правового устройства. Постепенная формализация статуса самодержавного монарха в качестве гаранта территориально-государственного единства сопровождалась последовательным закреплением его ведущей роли в области создания юридической основы социально-политического пространства Российской империи, предполагавшей наличие сословной стратификации. В историко-правовом отношении обе составляющих законотворческой деятельности правительственных кругов отличаются ярко выраженной тенденцией к институционализации самодержавия как формы верховной монархической власти, стабилизация которой осуществлялась в ряде случаев с учетом национальной и политической идентичности местных регионов.

В новейшей историко-правовой литературе вторая половина XVII в. обоснованно оценивается как время формирования имперской тенденции государственного строительства. Именно с этого времени в правовой системе Российского государства местное право приобретает роль самостоятельного носителя юридической информации и начинает использоваться в качестве правового инструмента обеспечения государственного единства. Правовой партикуляризм характеризуется как неотъемлемый элемент юридической политики, нацеленной на обособление общегосударственного и местного права для достижения оптимального уровня правовой автономии национальных регионов

в ходе «становления Российской империи как сложного государственно-правового образования»[627].

Общеизвестно, что исторические истоки возникновения проблемы консолидации местных обычаев и узаконений с общегосударственным правом восходят к государственным образованиям Древнего Востока и античности, имевшим имперскую форму организации государственной власти. В европейской правовой цивилизации архетипом империи принято считать постреспубликанский Рим, где длительное время имперское право имело для провинций субсидиарное значение и применялось лишь при наличии серьезных пробелов в местных правовых системах[628].

Достижение государственного единства в условиях расширения географических границ имперского государства, состоящего из национально-территориальных регионов с различным уровнем развития права, правосознания и правовой культуры, предполагает санкцию верховной власти на сохранение местных правовых институтов. Последующая корректировка правового регулирования в духе сохранения высокого уровня организационно-регулятивного воздействия метрополии на вошедшие в ее состав земли позволяет, в конечном итоге, определить степень должного сочетания централизма и партикуляризма в юридической политике имперской власти. Применительно к России периода Нового времени данная проблема рассматривается отечественными и зарубежными государствоведами в контексте выявления юридической специфики политико-правового пространства Российской империи и способов легитимации регулятивной деятельности ее правительственной элиты.

Например, отличительная черта теоретико-правовых исследований, посвященных выявлению политико-организационных стратегий принудительного властвования носителей верховной власти в императорской России, заключается в обосновании ее юридической природы с точки зрения юриспруденции интересов. Российская империя обычно рассматривается как единое, унитарное государство, обладающее сложной территориально-политической организацией. По словам Н. М. Коркунова, « с постепенным разрастанием территории … границы ея охватывали собой одно за другим множество самостоятельных прежде государств или владений других держав». При этом российская верховная власть в случае практической необходимости « сохраняла за присоединенными областями их местные законы и учреждения, предоставляя им иногда более или менее широкую местную автономию»[629].

---

[627] Кодан , Февралев 2013: Местное право национальных регионов… :74–75.
[628] Кодан , Февралев 2013: Местное право национальных регионов … :75–76.
[629] Там же: 188.

Следует отметить, что длительное сохранение в российском государственном праве санкции верховной власти на ту или иную степень юридического партикуляризма способствовало возникновению двойственной теоретико-исторической трактовки тезиса о единстве и нераздельности ее территориального пространства, закрепленной в 1-й статье Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года. На рубеже XIX –XX вв. в государствоведческой литературе отмечалось, что речь в данном случае идет, прежде всего, об объединении государства в его «территориальном составе» на основе единства публичных властных правомочий монарха в «определенных территориальных границах», исключающего всякое произвольное распоряжение ими.

В то же время Б. Э. Нольде справедливо полагал, что симметричность российского государственного устройства, достигнутая к началу XX столетия, была результатом длительного сохранения в юридической политике самодержавия автономных элементов управления национальными и окраинными регионами. Он предлагал сосредоточить исследовательскую практику на изучении особой прагматики юридических конструкций, опосредованных политико-исторической конъюнктурой и, в целом - казуистичных[630]. Одни и те же земли, вошедшие в состав имперского государства по международно-правовым договорам, могли иметь статус областных автономий при безусловном приоритете верховной власти или же самостоятельных государственных образований, передающих полномочия своих властителей российским самодержцам посредством государственной унии. Так или иначе, но ведущий принцип законодательной политики России нового времени заключался в признании национально-территориальной специфики ряда местных узаконений.

В историко-юридической литературе, развивающей традиции классической науки государствоведения, отмечается преемственность российской юридической политики императорского периода в области конструирования правового статуса местных регионов со старомосковской практикой государственного строительства. Наличие ярко выраженного правового партикуляризма в Древней Руси привлекало, например, П. И. Числова, который объяснял его происхождение « различием географических, климатических, общественных и экономических условий» жизни разрозненных славянских племен. Их длительное сохранение содействовало автономизации местных регионов от великокняжеской власти, что усугублялось длительным сохранением феодальной раздробленности и расцветом локального законода-

[630] Коркунов 1909: 131-132, 35–36, 88; Нольде 1911: 244–245, 280–281.

тельства при сохранении юридического значения Русской правды в качестве общегосударственного источника древнерусского права[631].

По оценкам новейших исследователей, основополагающую роль в выработке юридической стратегии взаимодействия центральной великокняжеской власти «с населением отдельных, как правило, вновь приобретенных территорий» играли государственные уставные грамоты. Территориальная локализация права нашла отражение и в междукняжеских договорах[632]. Подчеркивается и организующая роль Соборного Уложения 1649 г. в проведении институциональной грани между общегосударственным и местным правом, включая обычаи[633]. Мнение о наличии в императорской России местных правовых систем, отражающих специфику правового регулирования в национальных регионах, высказывается сегодня и в историко-политологических исследованиях [634].

В ряде случаев, когда речь шла о присоединении территорий, заселенных народами, живущими на стадии догосударственного юридического быта, урегулирование отношений подданства происходило на почве сохранения традиционной модели властвования. В результате происходило повышение социально-политической роли местных элит, выполняющих функцию посредничества между верховной государственной властью и ее новыми подданными.

В свою очередь, верховная государственная власть, взявшая под контроль со второй половины XVI в. процесс строительства городов и городков на освоенных к тому времени пространствах Сибири, целенаправленно предпринимала меры для сокращения частных инициатив первопроходцев. Служилые люди, выразившие желание идти на Восток в поисках новых богатств, были обязаны ставить в известность о своих планах местных воевод. В царских наказах, адресованных администрации вновь построенных сибирских городов, содержалось предписание, согласно которому «волости каждой местности в отношении уплаты ясака должны причисляться к тем городам, к которым они ближе расположены»[635].

Одновременно московское правительство через посредничество воевод старалось расположить в свою пользу еще не присягнувшие на верность царю кочевые народы, обещая им всяческие милости, религиозную свободу и сохранение кочевий. В то же время, как свидетельствуют материалы летописей и тексты шертных записей, эти по-

---

[631] Леонтович 1869: 24–28; Числов 1914: 20–21; Кодан, Февралев 2013 Местное право национальных регионов… : 77–79 и далее.
[632] Кодан, Февралев 2013: Местное право национальных регионов… :74–154.
[633] Там же: 130; Кодан 2013: 239–293.
[634] Воробьева 2011: 25; Лаптева 1998: 4; Блинов 1905: 3.
[635] Миллер 1937: 316.

слабления почти никогда не распространялись на уплату ясака, скреплявшего отношения подданства[636].

В исключительных случаях, когда речь шла о государевой милости по случаю каких-либо знаменательных событий общегосударственной важности, сбор ясака мог быть временно приостановлен царским указом. Предусматривалась и возможность отстранения служилых людей от ясачных сборов с последующей их передачей надежным представителям национальной знати, « кому мочно верить… чтобы они… и сами не корыстовались и не таили»[637]. Указанная тенденция нашла продолжение в законодательстве Российской империи, регулирующем отношения центрального правительства с кочевыми народами.

Традиционализм, имевший место в практике управления теми восточными и южными регионами России, где автохтонное население находилось на догосударственной стадии развития, не исключал их политико-юридической интеграции в имперское пространство и сословную структуру общества, как административными, так и правовыми способами. Последовательное закрепление таковых в Своде законов Российской империи не исключало развития так называемой «вольной колонизации», которая осуществлялась вопреки воле правительства путем бегства от рекрутчины, крепостной зависимости, городского тягла и тому подобных проблем податного населения центральных земель. Применительно к Сибири более распространенной формой ее освоения в XVII – первой половине XIX вв. стала официальная правительственная колонизация « по указу», представлявшая собой разнообразные способы принудительного заселения восточных рубежей русскими людьми, включая служилые категории, ссыльнопоселенцев и некоторое количество вынужденных переселенцев-маргиналов[638].

Законодательная политика имперского государства в западных регионах, включенных в состав России на протяжении XVIII в., отличалась значительно более высокой степенью корреляции с ее право-государственным укладом. Этому содействовала ориентированность российской политической элиты в целом и носителей верховной самодержавной власти в частности на европейский уровень правовой культуры и правосознания. Кроме того, речь в данном случае шла о землях, где длительное время существовали высокоразвитые монар-

---

[636] Там же: 318.

[637] № 31. 1599 г. июня 25. – Грамота царя Бориса Федоровича в Верхотурье об освобождении сибирских ясачных людей от уплаты ясака на 7108-й год // Миллер 1937: 381-382; № 39. 1600 г. декабря 8. – Грамота царя Бориса Федоровича в Пелым воеводе Тихону Траханиотову о сборе ясака с сибирских ясачных людей на 7109-й год // Там же: 390–391.

[638] Любавский 2000: 260–261, 25 –262.

хии, а общественные отношения веками регулировались шведским, магдебургским, немецким и польско-литовским правом. Общеизвестно, что высокий уровень рецепции Литовских Статутов предопределил историко-юридическую специфику большинства правовых институтов Соборного Уложения 1649 г. Данные факторы стали мощным катализатором официального курса на интеграцию национальных регионов европейской части России в имперское государство. В то же время они способствовали осторожности российских законодателей по отношению к местным источникам права и традиционным правовым институтам, включая статусы сословной стратификации.

Историко-юридическая сущность правовых компромиссов, допущенных верховной самодержавной властью в западных регионах, нашла отражение в нормативно-правовых актах XVIII – первой половины XIX вв. Исключительный интерес для понимания особенностей российской законодательной политики в сфере реализации имперской парадигмы представляют узаконения, составленные с целью разграничения сферы действия общегосударственного и местного права в Прибалтике.

Здесь подтверждение существовавших ранее прав и привилегий местного населения было подчинено соображениям политической конъюнктуры и представляло собой более или менее пространное изъятие из общегосударственного законодательства. Этим обстоятельством объясняется большое количество сепаратных указов XVIII в., закрепляющих особый статус некоторых западных регионов Российской империи. Их последующая систематизация, прежде всего, была вызвана потребностью формально-юридического закрепления приоритета общегосударственного законодательства над местными узаконениями, легитимность которых обеспечивалась высочайшей санкцией.

Данная законодательная стратегия ярко выражена в начальных статьях Свода остзейских постановлений, согласно которым «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, от Самодержавной Власти исходящих…», но « с местными в некоторых их частях изменениями». Особое внимание составители Свода уделили вопросу о правовых пределах местных автономий, подчеркнув, что их предоставление полностью зависит от воли верховной власти. Во всех же прочих случаях «действие общих законов Империи сохраняет и в сих губерниях и областях полную свою силу»[639].

В источниках права, составление которых происходило по мере выстраивания имперской модели взаимодействия общегосударственных административно-распорядительных институтов с прибалтийскими регионами, неплохо прослеживается смена приоритетов в

[639] Цит.по: Нольде 1911: 406–407.

отношении российских законодателей к вопросу о возможном уровне автономии местных узаконений. В правоведческой литературе XIX столетия обсуждение данной проблемы велось с целью выявления должных пределов соотношения общеимперского и балтийского права. При этом право монарха вносить изменения в местное законодательство было аксиомой, а в качестве ее юридического обоснования выдвигались некоторые положения аккордных пунктов и узаконений Петра I, где упоминаются так называемые «права Высочества»[640].

Западнический колорит петровских преобразований не исключал спонтанности многих законодательных инициатив первой четверти XVIII в., продиктованных Северной войной и, в силу этого, не свободных от пробелов и коллизий. Влияние военного времени и нестабильного международного положения России, вынужденной учитывать постоянную смену внешнеполитических приоритетов ведущих европейских держав, оказало аналогичное воздействие и на законодательную политику Петра I в Прибалтике. Нормативно-правовые акты, регулирующие порядок присоединения балтийских регионов к Российскому государству, отличаются отчетливой типологизацией формы и содержания. В то же время условия капитуляций и сдачи отдельных городов, процедурные вопросы, объем прав и привилегий, сохраненных за разными земскими единицами, сословные гарантии и иные подобные вопросы решались в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и стратегической важности того или иной территории. Некоторые принятые на законодательном уровне решения были продиктованы идеологическими мотивами или переменами международно-правового характера, возникшими под воздействием Ништадского мира 1721 г. Правообразующая роль была отведена и притязаниям России на имперский статус и ведущее место в иерархии европейских дворов. К середине 1720-х гг. данная правовая парадигма превратилась в составную часть «петровского наследия» и в полной мере оказалась востребована на высочайшем уровне в ходе легитимации итогов каждого дворцового переворота.

Таким образом, имперский фактор моделирования местного балтийского права был дополнен фактором политическим, основанием которого служила потребность верховной императорской власти в стабилизации. Это, в свою очередь, диктовало обращение законодателя к проблеме интеграции сословных институтов балтийского законодательства в общеимперское право при сохранении местных особенностей социальной стратификации и статусных признаков отдельных групп прибалтийского населения.

Вышеперечисленные концепты российской законодательной политики формировались постепенно, но следует констатировать их

[640] Нольде 1911: 407- 409.

присутствие уже в ранних нормативно-правовых актах петровского времени, регулирующих условия военной сдачи Риги, Ревеля и других крупных городов Прибалтийского региона. В переговорах с городской администрацией и гарнизонами, которые сподвижники Петра вели от высочайшего имени по вопросу о дальнейшем статусе вновь присоединяемых территорий и местного населения, активное участие принимали сословные корпорации. В зависимости от сложившейся военно-политической обстановки в капитуляциях, аккордных пунктах и жалованных грамотах был закреплен неодинаковый объем будущих прав и привилегий для балтийских земель и отдельных сословий.

Многие вопросы решались спонтанно, а их обсуждение инициировалось верхушкой рыцарства и влиятельными бюргерами. В ряде случаев, когда речь заходила об определении будущего объема действия шведского и польско-литовского права применительно к отдельным земским единицам, обсуждение нюансов мирного урегулирования геополитической ситуации в Прибалтике откладывалось до принятия высочайшего решения. На отсутствие продуманной концептуальной парадигмы дальнейшего развития местного законодательства в балтийском регионе указывают и допущенные на нормативно-правовом уровне упоминания о временном характере санкционированных Петром I привилегий, окончательная судьба которых должна была решаться на международно-правовом уровне уже после окончания войны и в зависимости от ее политических результатов. Таким образом, юридическая составляющая «балтийского вопроса» формировалась под мощным воздействием внешнеполитического фактора, имела в виду создание нормативно-правовой основы для интеграции Российского государства в систему европейских держав и, в целом, может рассматриваться как неотъемлемая часть петровской вестернизации.

В итоге был создан своеобразный прецедент моделирования политики государственного единства в условиях монархии абсолютистского типа, соответствие которого нормам международного права не подвергалось сомнению при заключении Ништадского мира. Гарантируя на международно-правовом уровне сохранение привилегированного статуса жителей Прибалтики, русско-шведский мирный трактат не закреплял неизменного объема уже существующих привилегий, что обеспечивало свободу действий верховной государственной власти в разработке перспективных стратегий дальнейшей интеграции прибалтийского региона.

Действие жалованных грамот и иных нормативно-правовых актов, конституирующих статус земель Лифляндии и Эстляндии в составе Российского государства, сохранялось, но в условиях длительного отсутствия законодательно закрепленных пределов правово-

го партикуляризма могло произвольно пересматриваться из соображений административно-управленческого характера и требовало высочайшего подтверждения от каждого нового носителя верховной власти до тех пор, пока не состоялась систематизация остзейского права. На протяжении XVIII –первой четверти XIX вв. немаловажная роль в функционировании механизма юридического обеспечения правового статуса прибалтийских земель отводилась внешнеполитическому фактору, так как утверждение значительной части высочайших инициатив в данной сфере происходило на фоне территориального расширения Российской империи и отражало реалии международной обстановки в Европе, включая «похолодание» отношений с Швецией, политику «восточного барьера» и участие России в разделах Польши.

Давая оценку правообразующей деятельности ближайших преемников Петра I по балтийскому вопросу, следует учитывать и специфику организации верховной императорской власти в России XVIII столетия в условиях отсутствия правового механизма престолонаследия. В период дворцовых переворотов утверждение власти каждого нового монарха сопровождалось принятием блока нормативно-правовых актов, нацеленных на утверждение преемственности проводимого им политико-юридического курса с мероприятиями предшественников и, прежде всего, Петра I как легитимного родоначальника императорской фамилии. После 1725 г. подтвердительные жалованные грамоты об особом статусе Остзейского края и остзейских сословий стали обязательным элементом императорского правотворчества. Это свидетельствовало не только об отсутствии юридической определенности допустимых пределов действия местного права, но и о заинтересованности российских самодержцев в наличии таковых лакун в условиях недостаточного уровня централизации властных структур и «размытости» их функций.

В новейшей историко-правовой науке справедливо акцентируется внимание на весьма высоком уровне корреляции местного и общеимперского законодательства в области регулирования сословных прав и преимуществ, действовавших в регионах Прибалтики. С этим мнением следует согласиться, так как его концептуальное подтверждение содержится в нормах Остзейского свода. В частности, уже первые статьи Введения, которое принято рассматривать как своеобразную общую часть, предпосланную местным узаконениям, отмечено, что таковые представляют собой «изменения в общих законах», получают юридическую силу от единой Власти Самодержавной и «простираются на те только губернии и области, коим они особо предоставлены…»[641].

---

[641] См., например: ПСЗ I. Т. 4. № 2301 (1710. – Сентября 30. – Жалованная грамота дворянству Княжества Лифляндскаго. – В подтверждение прежних их прав, а особливо

Подводя итог, следует констатировать наличие в остзейском законодательстве скрытой, но достаточной последовательной надсословной тенденции, присущей, в целом, законодательной политике Российского государства исследуемого периода. Доминирование верховной самодержавной власти над местными сословиями обеспечивалось посредством компромиссного отношения законодателей к вопросу о старинных привилегиях остзейских городов, дворянских обществ и евангелически-лютеранской церкви. С одной стороны, сохранялась средневековая основа этих привилегий, что в известной мере тормозило модернизацию ряда местных правовых институтов, сохранявших сословную замкнутость, не соответствующую рациональному духу законодательства нового времени. С другой стороны, прибалтийская модель регулирования прав состояния во многом определяла законодательные инициативы российской верховной власти в области сословной стратификации общеимперского уровня и хорошо «встраивалась» в их концептуальную парадигму.

Представляется, что правовая стратегия избранная российскими законодателями XVIII – первой половины XIX столетия по отношению к коренным сословиям Остзейских губерний в наибольшей степени отражает компромиссную сущность интеграционной политики самодержавного государства в области социальной стратификации национальных регионов.

В основном, корректировке подвергались те местные узаконения, которые затрагивали компетенцию российской верховной императорской власти. Если речь шла о сохранении прежних «народных состояний», законодатель предпочитал осторожность, приступая к унификации местных узаконений в тех случаях, когда имели место пробелы, коллизии или какие-либо сложности для административно-распорядительной деятельности центрального правительства в регионах.

Особый механизм правового регулирования был предусмотрен для социально-территориальных пространств, в которых по разным причинам «происходила полная локализация государственно-правовой системы». К числу таковых принято относить, прежде всего, Финляндию, где до начала XX в. декларировалось сохранение от-

---

данной от Польскаго Короля Сигизмунда Августа в Вильне 1561 года привилегии, касательно шляхетских их прав, статутов, вольностей, достоинств и законных их маетностей…; № 2303 (1710. – Октября 12. – Решение Государя Петра I на предоставленные в волю Его Величества, при сдаче города Риги, пункты, с объявлением Монаршаго благоволения Магистрату и городу Риге…; № 2404 (1710. – Октября 12. – Решение Государя Петра I на предоставленные в волю Его Величества пункты дворянства и жителей Лифляндских, при покорении их Российской Державе);Т. 6. № 3819. П. 10..(1721. – Августа 30. – Трактат, заключенный на конгрессе в Ништадте…); Кодан, Февралев 2013: Местное право Прибалтики … : 125 – 147; Свод 1845: П. 2.

правных положений Основных законов Шведского королевства, корректировка которых осуществлялась исходя из принципа верховенства императорской власти, в том числе и в сословно-правовой сфере. Элементы национальной автономии сохранялись в Польше, где российские законодатели в силу политической сложности выстраивания отношений с местной сословной элитой до начала XX в. сохраняли специфику местного самоуправления и ориентировались в разработке норм гражданского права, прежде всего, на французские образцы. Тенденция к сохранению местных особенностей сословной структуры и принципов стратификации, особенно по отношению к нелояльной национальной аристократии, которая неохотно вливалась в российское дворянство, присутствовала в партикулярном праве закавказских земель и Бессарабии. Таким образом, сословно-правовой фактор был превращен в важное звено интеграционной политики российских законодателей Нового времени, которые не торопились демократизировать общественный строй как в центральных губерниях, так и в районах местных национально-территориальных автономий для обеспечения доминирующего статуса самодержавной власти в политической системе Российской империи[642].

Список источников и литературы

Блинов 1905 – Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905.

Воробьева 2011 – Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР. – М.: ФИВ, 2011.

Кодан 2013 – Кодан С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX в.) // NB: проблемы политики и общества. 2013. № 4. С. 239 – 293.

Кодан, Февралев 2013 – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Великого Княжества Финляндского в правовой системе Российской империи: интеграция, источники, трансформации (1808 – 1917 г.) // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 3. С.258 – 317.

Кодан, Февралев 2013 – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право национальных регионов Российской империи: истоки, место в политике и идеологии, юридическая природа (вторая половина XVII – начало XX вв.) // NB: вопросы права и политики. 2013. № 2. С. 74 – 154.

[642] Кодан, Февралев 2013: Местное право Великого Княжества Финляндского … :258 – 317; Кодан, Февралев 2013: Местное право Царства Польского … 246 – 295; Кодан, Февралев. 2013: Формирование … :230 – 285.

Кодан, Февралев 2013 – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Прибалтики в правовой системе Российской империи: интеграция, систематизация, унификация (XVIII – начало XX вв.) // NB: вопросы права и политики. 2013. № 7. С. 125 – 147.

Кодан, Февралев 2013 – Кодан С. В., Февралев С. А. Местное право Царства Польского: формирование, источники, трансформации (1815 – 1917гг.) // NB: Проблемы политики и общества. 2013. № 3. С.246 – 295.

Кодан, Февралев 2013 – Кодан С. В., Февралев С. А. Формирование и развитие местного права в Бессарабии в составе Российской империи (1812 - 1917 гг.) // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 4. С. 230 – 285.

Коркунов 1909 – Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909.

Лаптева 1998 – Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). – М.: Наука, 1998.

Леонтович 1869 – Леонтович Ф. И. История русского права. – Одесса: Городская типография Сод.Алексомати, 1869. Вып. 1. 155 с.

Любавский 2000 – Любавский М. К. Историческая география России. – СПб.: Лань, 2000.

Миллер 1937 – Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.;Л: Изд-во Академии Наук СССР, 1937. Т. 1.

Нольде 1911 – Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. – СПб.: Типография «Правда», 1911.

ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830 – 1917. – Собр. I. Т. 4, 6.

Свод 1845 – Свод местных узаконений Губерний Остзейских, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Ч. I. Учреждения. СПб., 1845. – СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.

Числов 1914 – Числов П.И. Курс истории русского права. Вып. I. Введение. История источников права.– М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1914.

E. S. Sokolova

ON THE ROLE OF SUPRA-ESTATE STRATEGIES IN MODELING NATIONAL-POLITICAL IDENTITY OF PARTICULAR LEGAL INSTITUTION OF THE RUSSIAN EMPIER

(PROBLEM STATEMENT)

The article reveals the main directions of legal policy of the Russian autocracy in relation to the national regions and institutions of local legislation, revealed its integration potential, shows the relationship between the General law and legal particularism, including in the area of estates law. The legislative trend towards preservation of national-political identity of a number of particular institutions of law considered as part of supra-estate strategy of the Russian state the new time aimed at strengthening the socio-political image of the Supreme Imperial power.

Key words: national-political identity, supra-estate monarchy, Imperial government, legal particularism, legal strategies, state and territorial unity.

DOI 10.26170/vvi16-01-31
Код ВАК 07.00.09

В. А. Шихов

ВОЙНА 1812-1815 ГГ. И «ТРАНСПОРТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В США

Статья посвящена взаимосвязи таких явлений, как англо-американская война 1812-1815 годов и американская «транспортная революция». Рассматриваются три периода «транспортной революции» - строительство сухопутных магистралей, строительство речных каналов, строительство железнодорожных путей, их особенности и отличительные черты, непосредственные последствия «транспортной революции», ее взаимосвязь с другими экономическими явлениями того времени. Дается краткий обзор американской историографии, посвященной «транспортной революции».

Ключевые слова: англо-американская война 1812-1815 годов; Законы об эмбарго и запрете импорта; «транспортная революция»; отчет Голлатина; наземная транспортная система США; речные каналы США; железнодорожная транспортная система США.

Англо-американская война 1812 года в американской историографии носит название «Второй войны за независимость». И это совершенно оправданно. Хотя противоречия, вызвавшие войну, и не были разрешены в ходе вооруженного конфликта между Великобританией и США, однако это событие может служить своеобразным водо-

---

Шихов Владимир Анатольевич, аспирант Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26);
учитель истории и обществознания в МОУ Гимназия (г. Нижняя Салда).

Shikhov Vladimir, postgraduate student of Ural State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); Teacher of History and Social Science of Gymnasium (Russia, Nizhnyaya Salda).
Телефон/Phone: +7 (34345) 3-14-57. Электронная почта/E-mail: shihoff2013@yandex.ru.